

Полина Вишневецкая

Северный РОМАН

Полин Вишневская

Северный роман

<https://litres.ru/74212267>

Аннотация

Две подруги из Москвы — Вера и Ника — в тупике. Долги, разбитые сердца, ощущение, что выхода нет. Спасение приходит неожиданно: в виде объявления о работе в крошечной карельской деревне Янишполе. Полгода вдали от мира, в кофейне у озера Онега. Они едут — без особых планов и иллюзий.

Вера оживает за стойкой, где смешаны ароматы свежего теста и хвои. Ее знакомство с Родионом, упрямым гончаром, начинается со ссоры. Для него она — чужая, для нее он — хмурый местный.

Это история о том, как деревенская жизнь не терпит притворства, а любовь приходит, когда ее меньше всего ждешь. О пирогах, глине, разбитых сердцах и втором шансе.

Когда Карелия манит — устоять невозможно.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	42
Глава 5	51
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Пролог

Вера

— Что ты здесь делаешь?!

Крик вырывается сам собой. Я машу руками, словно отгоняя наваждение. Пол уходит из-под ног, или это всё кружится у меня в голове. Кружка выскальзывает из пальцев, падает и с грохотом разбивается о кафель. А пара зеленых, холодных глаз не отпускает, давит, пригвождая к месту.

Господи... вот как это бывает — когда смерть стоит прямо перед тобой.

Родион Соколов.

На нем только джинсы с расстегнутой пуговицей. По плечу тянется узор татуировки, подчеркивая крепкие, почти каменные мышцы. Он смотрит так, что перехватывает дыхание.

Этот взгляд мне уже знаком.

Он вообще человек закрытый, хмурый, немногословный.

Но сейчас в его глазах — что-то острое, опасное.

Будто он готов сорваться в любую секунду.

— Дело в том... — начинаю я, неуверенно.

— Не вздумай мне врать, Вера.

Его низкий голос хрипло вибрирует где-то внутри меня,

будто под кожей. Колени подкашиваются, сердце грохочет.

Все внутри шепчет: сорви с себя эту рубашку, отдайся этому зверю...

— Ну? — спрашивает он, скрестив руки на груди. Его мышцы напряжены.

Он ждет ответа? Серьезно?

Полуголый. С растрепанными волосами. Влажные губы.

Черт возьми, все вышло из-под контроля.

Я не могу мыслить ясно, когда он рядом. Все происходящее — его вина.

Как вообще женщина может работать, думать, жить, когда перед ней стоит такой мужчина — без рубашки, воплощение всего, о чем пишут в романах?

Почти невозможно.

Так что да, я обвиняю его. Во всем.

Хотя, если честно, часть вины лежит и на Нике.

Именно она втянула меня в это приключение.

— Поехали на Север, — сказала она. — Хватит прятаться в Москве. Снимем дом у озера, подышим воздухом, найдем себя.

Шесть месяцев, которые должны были стать передышкой, обернулись испытанием.

Теперь я точно знаю: мне безнадежно нравятся местные мужчины — суровые, молчаливые, с руками, пахнущими де-

ревом и ветром. Стоит увидеть одного — и у меня кружится голова.

Я — Вера. И я вечно ищу неприятности.

И, конечно, снова влипла.

Я должна была просто отдохнуть, забыть бывшего, перестать считать неудачи, уволиться из столичного офиса и дать себе шанс.

Но вместо этого...

Я влюбилась — всей душой — в козла по имени Федька.

Влюбилась в деревню, где туристы фотографируются у «камня желаний», которому приписывают магическую силу.

И — самое глупое — влюбилась в мужчину, который сейчас сверлит меня взглядом и ждет ответа.

Если мне нужны ответы, стоит начать с самого начала — с того момента, когда Ника сунула мне ноутбук и сказала:

— Смотри, Вер, тут объявление. Кажется, нам сюда.

И это объявление изменило всё.

Глава 1

Вера

Съеденных за сегодня тортов: один кусок... ладно, два... ну хорошо — **ПЯТЬ**. Пять огромных кусков. Полученных увольнений: одно. Итого — три за три года. Феноменально плохой результат. Сообщение о выселении: одно. И не потому, что мы не платили, а потому что превратили однушку в двушку... что, как выяснилось, незаконно. С последнего мужского оргазма прошло шестьдесят пять дней. И это даже не оргазм, а лишь слабое движение. Едва уловимый намёк на удовольствие. Семейное положение: «меня слили, и я с головой тону в жалости к себе». Спасибо, Игорь.

Вот так, друзья, выглядит статус по-настоящему грустной леди. Наслаждайтесь.

— Мы обречены, — ною я и проваливаюсь ещё глубже в пушистые подушки нашего дивана из секонд-хенда. — За чем я съела столько торта? Один кусок — и мир уже выглядел бы куда добрее.

— Потому что у тебя в жизни полный хаос.

Ника.

Моя весёлая соседка и лучшая подруга с девяти лет легко поддаётся уговорам, особенно если речь заходит о торте. Почти как я. Её светлые волосы до плеч и бескомпромиссный стиль делают её похожей на героиню старой романтиче-

ской комедии.

Она — моя опора. Благодаря ей я не сижу сейчас на полу в ванной, не смотрю в водоворот унитаза и не позволяю ему гипнотизировать меня. Хотя именно это и лучше всего описывает моё состояние.

— Как ты можешь листать ленту в такой момент, если знаешь, что через пару недель мы можем остаться без жилья?

— Алкоголь, — отвечает Ника и подносит к губам розовый пластиковый стакан, осушая его залпом.

— Это всё моя вина.

— С чего вдруг? — она отрывается от мема с больным Спанч Бобом, который подаёт еду.

— Я излучаю негативную энергию. Это Бог меня наказывает, — я скидываю кулак к потолку.

— Я исправлюсь, обещаю. Больше не буду съедать весь торт. Буду отдавать Нике две трети, а себе оставлять лишь жалкую треть. Вот это любовь. «Поделись с ближним...» или как там.

Я почти умоляю:

— И я постараюсь использовать свой разум, чтобы реализовать потенциал. Больше не буду встречаться с такими, как Игорь. С мужчинами, которым нужно только одно.

Я тру виски, надеясь, что сверху придёт просветление и подскажет, как выбраться из этого болота.

— Также я планирую разослать резюме. Но не уверена, что хочу снова быть личной помощницей. Оказалось, это не

так радужно. Есть предел тому, сколько раз можно забирать чужие вещи из химчистки, прежде чем окончательно потрепашь рассудок.

— Я пройду десять тестов, а потом откликнусь на вакансии, которые лучше всего подходят моим талантам. Я ещё сделаю что-нибудь со своей жизнью.

— Когда Аня успела родить? — спрашивает Ника, полностью игнорируя мои горячие обещания.

— Как думаешь, мне ещё что-нибудь добавить? — шепчу я.

— А? О... эм... — она задумчиво стучит пальцем по подбородку. — Может, что-нибудь про его волосы.

— Понятия не имею, какие у Него волосы. А ты?

— Э-э... белые и струящиеся?

Я поднимаю взгляд к потолку, весь в трещинах.

— И волосы у тебя потрясающие. Ты пользуешься каким-нибудь особенным шампунем?

— Не думаю, что Ему вообще нужно мыться, — говорит Ника, увеличивая фото Аниного малыша. — А если и нужно, уверена, Он не пользуется никаким «особенным шампунем».

— И почему, собственно, нет? — спрашиваю я и приподнимаюсь, чтобы лучше видеть подругу.

— Потому что Он — Бог. Зачем Ему шампунь, если, по сути, Он придумал всё на свете?

Ладно, аргумент весомый.

— Как думаешь, чем Он пахнет?

— Молнией и свежим хлопком, — мечтательно говорит Ника.

— Он не Зевс.

— Но вполне мог бы им быть...

Ника вдруг резко выпрямляется. Спина напрягается, глаза расширяются, челюсть буквально отвисает.

Я настораживаюсь и складываю руки на груди:

— Он... нас услышал?

Ника качает головой:

— Нет. Но ты только посмотри.

Она разворачивает ко мне ноутбук. На экране — пост, которым поделилась её слегка чокнутая тётя Дуся. Та самая, что вечно репостит странные штуки — из серии: «Задумывались ли вы, почему смотрите видео, где старый ковбой жарит яйца на ржавой крышке от мусорного бака?»

Я заставляю свой пьяный мозг фокусироваться и читаю вслух:

— «Требуются помощники. Ищем двух друзей, готовых на шесть месяцев взять на себя управление маленьким кофейным домиком в северной деревне Янишполе, Карелия. Опыт не обязателен. Мы оплачиваем дорогу и жильё. Главное — жизнерадостный характер и желание полюбить наши северные края».

Я поднимаю глаза на подругу:

— Ты же не серьёзно.

А мне почему-то... очень хочется этих самых северных краёв.

— Ты вообще знаешь, где Карелия?

— На севере. Где Питер.

— А где именно на севере?

— Там, где север, — невинно отвечает она.

Я закатываю глаза и возвращаю ей ноутбук:

— Ты пьяна.

— Вера, ты забыла, что показал твой ДНК-тест? Там чёрным по белому: у тебя в роду сплошные северяне. Разве тебе не хочется увидеть землю своих великих предков?

Я грожу ей пальцем:

— Даже не смей приплетать моих предков. Ты знаешь, как я люблю своё идеальное генеалогическое древо.

— Да ладно тебе, это же идеальный шанс.

— Ника, — я встряхиваю её за плечо, — ты вообще себя слышишь? Ты предлагаешь мне подать заявку на работу где-то в Карелии?

Она вдруг становится серьёзной.

Глаза всё ещё блестят от текилы, но она опускает взгляд на свои руки.

— Я знаю, прошёл уже год с тех пор, как Илья от меня ушёл... но мне до сих пор сложно это отпустить.

Ох.

Я чуть подаюсь вперёд, пытаюсь поймать её взгляд.

И вдруг понимаю: дело сейчас вообще не во мне. А в ней.

Илья был её первой серьёзной любовью. Её первой большой любовью стал Илья. Именно с ним Ника впервые поняла, что такое настоящие отношения. Почувствовала, что её выбирают.

Он разбил ей сердце. Первая любовь всегда непроста. Но когда она связана с жизненными планами, это становится ещё тяжелее.

— Я тебя понимаю, — я сжимаю её ладонь. — Даже представить не могу, как это — так влюбиться... и потом потерять это.

— Было тяжело, — тихо говорит она, не отрывая взгляда от экрана.

Курсор зависает над кнопкой «Откликнуться».

Щелчок.

— Э-э... ты что делаешь?

В груди вспыхивает паника. А вдруг она правда это всё задумала?

— Подаём заявку.

— Ника...

— Разве это не волнительно? Мы будем управлять кофейней где-то на севере, — говорит она и уже вписывает своё имя в первое поле.

Отлично.

Я слышала о нервных срывах после расставаний, но не ожидала увидеть это так близко. Нужно действовать осторожно.

— Ах ты моя хорошая, — я сжимаю её в объятиях. — Ты просто бредишь. Тебе нужно прилечь, а я принесу торт. Закажу доставку — через полчаса у нас будет что-нибудь сладкое, чтобы привести тебя в норму.

— Я не бре—

— Тс-с, — шепчу ей на ухо и мягко укладываю на диван. — Бедная моя. Я должна была заметить признаки. Потеря работы меня ослепила, но теперь я всё вижу.

Я беру её за подбородок, заставляя посмотреть на меня:

— Я вижу тебя, Ника.

Лёгкое похлопывание по плечу.

— А теперь ты лежишь здесь, пока я заказываю торт, а потом мы спокойно подумаем, как выбраться из этого бардака. Не переживай — про этот маленький нервный срыв никто не узнает.

— У меня нет нервного срыва.

— Ох, милая, — морщусь я, — так все говорят.

Ника вдруг прижимает ладони к моим щекам и резко тянет моё лицо к себе. От её дыхания ощутимо тянет текилой.

— Я не сошла с ума, — твёрдо говорит она. — Мы едем на полгода на север, чтобы управлять кофейней в деревне Янишполе.

Я осторожно убираю её руки.

— Мне кажется, с тобой что-то не так. Это меня пугает. Я не знаю, как быть... Наверное, стоит позвонить твоим родителям. Похоже, это именно тот случай, когда уже пора.

Ника ставит ноутбук на журнальный столик и поворачивается ко мне.

Её это задевает. Сильно.

И вдруг — как будто в один момент — она трезвеет. Смотрит на меня ясными, серьёзными глазами.

— Сейчас для нас идеальное время. У тебя нет работы...

— Я прекрасно осознаю свой статус безработной.

— У нас уведомление о выселении.

— Я беру ответственность за это.

— Нам обеим нужна перемена, — говорит она мягче. — Лучше исчезнуть в красивом месте.

— А как же твоя работа?

— Ты же знаешь, я могу работать откуда угодно, — напоминает она.

И это правда.

Она снимает место в коворкинге, чтобы не сидеть в нашей мрачной квартире, где вдохновение еле пробивается. Рисует милые иллюстрации для блогеров на планшете, зарабатывает неплохие деньги и всему научилась сама. Может продолжать это хоть с другого конца страны.

Вот бы и мне так. Тогда все наши проблемы решились бы сами, и не пришлось бы говорить о переезде в какую-то глушь.

Я до сих пор не понимаю, что во мне особенного. Надеюсь, что в большом городе мне это станет ясно. Но он научил меня только одному: знаменитости очень требователь-

ны к кофе.

Я чешу затылок.

— Но мы же ничего не знаем о Карелии, — неуверенно говорю я, теребя край свитера.

— Мы не знали и про этот город, когда сюда переехали, — спокойно отвечает Ника.

Да уж, и к чему это меня привело? Вспоминаю недовольные лица родителей. Я до сих пор вижу их взгляд, когда сказала, что не пойду в университет, а буду следовать мечте и, возможно, стану организатором праздников или кем-то в этом духе. Я тогда выразилась легкомысленно, по-детски.

— Тогда мы просто сели в машину и проехали несколько сотен километров, а не полетели в другое измерение, — бурчу я, пытаясь разрядить обстановку.

Ника кивает, но её вздох и опущенные плечи говорят о том, что она устала. Под глазами залегли тёмные круги, а обычно яркие глаза потускнели.

— Мне это нужно, Вера, — тихо говорит она. — Мне нужно приключение, что-нибудь, что вытащит меня отсюда, подальше от воспоминаний. Я понимаю, что бегство не решит всех проблем, но мне нужен шанс снова вдохнуть полной грудью.

Я внимательно смотрю на неё. Сквозь привычную броню бодрости проступает уязвимость, и у меня сжимается сердце.

— Что-то случилось? — спрашиваю я мягче.

Она прикусывает губу, отводит взгляд, а потом решается:
— Это было в день, когда тебя уволили. Я встретила Илью и его новую девушку.

— Что?! — вскрикиваю я, выпрямляясь. — И ты мне ничего не сказала?

— Потому что тебя уволили. Тебе нужна была поддержка, и я решила остаться. Но с тех пор это меня гложет. Они выглядели такими счастливыми... — её нижняя губа начинает дрожать, и я обнимаю её.

— Всё хорошо, — шепчу я, крепче прижимая её к себе. Я зажмуриваюсь, сдерживая гнев на Илью. Поглаживая её по спине, смотрю на ноутбук с открытой вкладкой о кофейнях в Карелии.

— Ты действительно хочешь туда? — спрашиваю я, всё ещё не веря, что это происходит.

Ника отстраняется и вытирает глаза.

— Мне это нужно, Вера. И, кажется, тебе тоже. Давай вырвемся из этого болота и найдём радость в лесах. Это наш шанс начать сначала.

— Ты серьёзно? Уехать на полгода на Север и управлять кофейней, хотя мы ничего не знаем о кофе? — я ищу повод отказаться.

Она толкает меня локтем и улыбается.

— Ты знаешь о кофе больше, чем любая бариста. Ты научилась обращаться с кофемашиной у Лизы и готовила ей сложные напитки.

— Один раз я испортила заказ, и она использовала это как повод уволить меня, — мрачно говорю я.

— Это просто придирки, — отмахивается Ника. — Жильё уже есть, работа на полгода гарантирована. Это похоже на приключение. Скажи, что ты со мной.

Её глаза полны надежды и усталости. Я хочу согласиться ради неё, но внутри шевелится страх. Я уже уехала в большой город и не нашла себя. Теперь я снова рискую, надеясь понять, кто я.

— Я с тобой, — говорю я, глядя ей в глаза.

Так я оказалась в Карелии. Это была история, но я ещё не закончила.

— Спасибо, что заглянули, — говорю я, делая вид, что завершаю рассказ, и направляюсь к двери.

— Как же тот самый горячий мужчина, странный камень и наш Федька? — раздаётся удивлённый голос из зала.

Я оборачиваюсь и вижу, что все собравшиеся в кафе смотрят на меня с любопытством. Кто-то подаётся вперёд, боясь пропустить хоть слово.

Раз вам так интересно, расскажу остальное. Но держитесь крепче — впереди настоящее приключение.

Глава 2

Вера

Сегодня я не съела ни кусочка торта, и, честно говоря, не уверена, что вообще способна работать в трезвом уме. Одно предложение о работе я приняла, хотя опыта для него у меня почти нет. Живу я, похоже, в Карелии. Это называется принимать решения сгоряча. Хочется верить, что это не обернётся для меня проблемами.

— Я на этой рухляди не поеду, — заявляю я, скрестив руки на груди. — Придумал это ты — ты и веди.

Мы с Никой стоим среди каменных домов, словно из старого фильма, рядом с нашим арендованным «Жигулём». У наших ног — четыре больших чемодана, в руках — моток верёвки. Машины проносятся мимо, заполняя узкие, но живописные улицы Питера. Вокруг только бетон и камень, но архитектура такова, что я не могу не любоваться ею.

Однако красота вокруг не решает нашу проблему.

«Жигули» пятнадцатой модели — наш транспорт. Такая машина сама по себе уже приключение. А когда нужно запихнуть туда багаж и проехать сотни километров по трассе и глухим дорогам, становится ещё интереснее.

В прокате нам выдали верёвки, чтобы привязать чемоданы к крыше.

— Вера, пожалуйста, — стонет Ника. — Я на грани нерв-

ного срыва.

Моя лучшая подруга, придумавшая ехать за тридевять земель продавать кофе незнакомцам, «забыла» об одном обстоятельстве: её укачивает. Весь перелёт она провела с головой в пакете, пока я гладила её по спине и молилась, чтобы её не стошнило мне на колени.

— Может, такси? — предлагаю я.

— Нет, это та машина, которую нашли Нина и Стас. Да и таксисты не поедут так далеко.

— Ника, это же рухлядь! — показываю я на ржавый бок. — Ты серьёзно хочешь, чтобы я с багажом поехала на этом?

— Ты всегда берёшь на себя сложные задачи, — криво улыбается она. — Они ждут нас через пару часов.

Я вздыхаю и обхожу машину.

— По-человечески было бы встретить, — бурчу я, закидывая первый чемодан. Потом второй. Становится ясно, что места больше нет. Холодный пот стекает по спине.

— Теперь верёвки? — спрашиваю я, оборачиваясь к Нике.

Она смотрит на верёвку:

— Думаю, да.

— Ладно, помогу закинуть остальные.

Мы поднимаем первый чемодан, затем второй. Но как нам это сделать?

— Вам помочь? — раздаётся низкий голос за спиной.

Э-э... что?

Я оборачиваюсь и вижу рыжего мужчину с бородой. Он в рабочей куртке с логотипом проката. Я бы многое отдала за порыв ветра, как в кино.

Парень забирает у меня верёвку и быстро обматывает багаж, словно снимается в ролике. Его движения чёткие и уверенные.

Закончив, он отряхивает руки и поворачивается к нам:

— Куда вам ехать?

О боже. Я понимаю, что это русский язык, но слова звучат как каша.

— Простите? — прикусываю губу.

Он усмехается и покачивается на пятках:

— Куда вам ехать?

— В Янишполе, — наконец отвечаю я.

— Камень деда Семёна хотите увидеть?

— Камень деда Семёна? — переспрашиваю я.

— Точно. Дед Семён, — он хлопает рукой по паху.

— Дед Семён? — непонимающе смотрю на него.

— Да.

Он снова хлопает.

— Камень деда Семёна... — шепчу я Нике, хватая её за руку. — Он о члене говорит?

— Да, это мужской орган, — медленно произносит он.

— Мы знаем, что у вас есть... — говорю я, сжимая руку Ники. — Но у нас есть бойфренды. Мы не подходим для этого.

Он проводит рукой по лицу и вздыхает:

— Член... камень...

— У него эрекция, — шепчу я Нике.

— Поздравляю, — ободряюще сжимаю кулак.

— Камень кастрации деда Семёна! — громко добавляет Ника.

Мужчина выпрямляется и раздражается громким смехом, от которого «Жигули» слегка дрожат.

— Кастрационный! — выдавливают он сквозь смех. — Камень кастрационный деда Семёна. Туристическая достопримечательность.

Я в шоке. Щёки пылают так, что кажется, могут поджечь верёвки на крыше машины.

— Объясню в машине, — говорит Ника, выпрямляясь, но выглядя бледной. — Мы приняли предложение о работе в кофейне в Янишполе.

— Это вы те две девчонки? Объявление видел, — усмехается он. — Нужна помощь?

Помощь. Теперь понятно.

— Может, запишете? — прошу я, полагая, что на бумаге с его русским будет проще.

Он тихо смеётся, но уже добродушно. Я достаю из рюкзака блокнот и ручку, протягиваю ему. Пока он пишет, добавляет:

— Будьте осторожны на дороге. Здесь узкие участки, а после дождя — скользко.

— Езжайте по трассе на Петрозаводск, затем поверните к

озеру Онега, — подмигивает он. — Удачи.

— Ты поняла? — спрашиваю я Нику.

Она смотрит на свою верёвку и отвечает:

— Не похоже.

— Ну что ж, будет весело.

— Нас собьют! — кричу я, заворачивая на дорогу. Одной рукой держу руль, другой — верёвку.

— Держись в полосе, и всё будет хорошо, — спокойно говорит Ника.

— Какой полосе? — удивляюсь я.

Дорога изрыта выбоинами, разметка стёрта, каменные дома нависли, не давая разглядеть, что впереди.

— Сосредоточься! — кричит Ника, хватаясь за бардачок.

— Куда ещё? — возмущаюсь я, видя несущуюся навстречу машину. — Мы погибнем!

— Поворачивай направо! Карта говорит — направо!

— Мне кажется, налево!

— Я говорю — направо!

— А я думаю, ты ошибаешься...

— Хватит смотреть на меня. Я извинилась, — чувствую на себе её раздражённый взгляд.

— Теперь будешь меня слушать? — спрашивает она, всё ещё бледная после приступа на дороге. Наш поворот налево привёл нас на крутой спуск, где мы едва разминулись с автобусом.

— Да, теперь слушаю, — отвечаю я, стараясь улыбнуться.

— Иди по этой дороге и не сворачивай, пока я не скажу,
— приказывает Ника.

— Есть, капитан, — киваю я, стараясь не обращать внимания на её бледность.

Мы медленно продвигались вперёд. Каждый раз, когда мимо проносился грузовик, я инстинктивно напрягалась. Ника, стиснув зубы, крепко держала верёвку, словно от этого зависела её жизнь.

— Мы погибнем! — кричу я, когда мы пробираемся через узкий участок кольцевой развязки.

— Ааа! — вскрикивает Ника, крепче сжав верёвку, пока мы преодолеваем поворот на двух колёсах, хотя и не совсем.

— В каком безумном лабиринте нас закрутило? — кричу я в окно, когда очередной грузовик обгоняет нас.

— Это какая-то дьявольская карусель! — стонет Ника.

— Мы и в большом городе ездили, справимся, — говорю я.

— Верёвка выскальзывает! — кричит Ника.

— Ради бога, не отпускай! Держись, Ника. Прорвёмся, — затем я издаю вопль, включаю поворотник и молюсь о лучшем.

Десять минут спустя.

— Скажи, когда будешь готова, — говорю я, натянув верёвку.

Ника высовывается из окна — её вырвало.

Когда мы выехали на извилистые просёлочные дороги, в

машине воцарилась тишина. Пейзаж стал зелёным, появились деревья. Вместо душных домов нас окружили леса и редкие коровы на лугах.

— Почему ты так много сигналила? — спрашивает Ника, обезвоженная и помятая.

— Это было моё единственное оружие, — отвечаю я. — Горло саднит после всех этих криков, пытаюсь выбраться из ловушки.

— Я никогда этого не забуду, — говорит Ника.

— Ничего страшного, — успокаиваю я. — Это неожиданная сторона меня. Мы справились. Взяли Карелию за её леса и озёра.

— Это не имеет смысла, — говорит Ника, глядя на панораму и зазубренные горы. Тени туч придают всему мистический оттенок.

— Это звучит разумно — типа «взяли быка за рога», только... Не важно. Так что насчёт камня кастрационного деда Семёна? Я думала, он хочет... чтобы мы ему натурой оплатили.

— Люди здесь не дикари, Вера. Жестами не общаются.

— У него был какой-то странный акцент.

— Нет, просто небольшой говор. В Карелии есть свой диалект. Когда я вчера говорила с Ниной, всё было понятно. Никаких проблем не возникло.

— Хорошо. Она тебе рассказала про камень?

— Нет, я сама узнала, когда искала информацию о Яни-

шполе в интернете.

Оказывается, деревня знаменита этим местом. Даже табличка есть.

— Я бы удивилась, если бы её не было, — я крепче сжимаю руль. — Ну всё, у меня будет миллион лайков в историях. Это умора.

Глава 3

Я застряла в одной кольцевой развязке на десять минут. Нику тошнило столько раз, что пальцев не хватит посчитать. Я общалась с карелом всего один раз и до сих пор пытаюсь понять смысл его слов.

Когда северянин хлопает себя по ширинке, это может значить просто «дед Семён» — их сленговое обозначение мужского достоинства, а не предложение отблагодарить за помощь иначе.

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЯНИШПОЛЕ — РОДИНУ ФЕДЬКИ» Место расположения великого камня деда Семёна
Население: 360

— Вот это табличка, — говорю я, когда мы садимся в машину после фото с огромным щитом на въезде в Янишполе. Для такого маленького посёлка он выглядит слишком внушительно. — «Камень деда Семёна» звучит намного приятнее, чем «камень-член». Словно счастливый камень — потрёшь щекой, и удача будет сопутствовать тебе годами.

— Ты путаешь с тем камнем, который целуют, — отвечает Ника, пристегиваясь и снова хватая верёвку, въевшуюся в ладони. — Это место не для поцелуев. Если поцеловать, можно подцепить герпес.

— Что? Ты серьёзно думаешь, что люди действительно... туда прикладываются?

— Да... В интернете полно фотографий из пещеры, где пары воспроизводят сцены из сериала. Очень реалистичные — с дедом Семёном наружу и всё такое.

— Фу, кто захочет такое смотреть?

Ника пожимает плечами.

— «Железные короны» сейчас на хайпе, и этот сериал здесь снимали. Ради него люди готовы на многое.

— Да, но изображать отрезание члена... Тут нужна железная уверенность в своей жене. И чтобы перед съёмкой не поругаться. Одно неверное слово — и твой дед Семён останется в прошлом.

Я завела мотор и тронулась по узкой дороге, ведущей вдоль каменных осыпей к долине, где расположено Янишполе.

О боже.

Деревья вдоль дороги расступились, и перед нами раскинулась сверкающая вода, обрамлённая горами. Они были зелёными, словно припорошенные пылью, с огромными сланцевыми глыбами, торчащими из склонов. Озеро блестело, как зеркало, отражая небо и облака. Воздух наполнился ароматом хвои и воды — чистым, свежим, почти звенящим.

Это так здорово!

Перед нами — свежий старт. Открываются новые горизонты. Появятся новые люди — надеюсь, хорошие. И, конечно, нас ждут новые приключения.

Я уже ощущаю перемены и уверенность, которые прине-

сёт это решение. Возможно, это именно то, что нам обоим нужно.

— Вот и деревня, — говорит Ника, указывая на группу белых глинобитных домов.

— А где всё остальное? — спрашиваю я, приближаясь.

— И это всё. Она действительно крошечная.

Не помню, видела ли я деревню меньше. Не более двадцати домов стоят вдоль главной улицы, тянущейся по берегу озера и носящей название Лесная.

Все дома обращены к Онеге. Построенные из белой глины и камня, украшенные цветами на кованых крючьях, они выглядят скромно по сравнению с городскими зданиями. Однако их очарование и сказочная атмосфера погружают нас в мир фантазий.

— Это место больше похоже на место для пикника, чем для жизни, — говорю я Нике, которая тоже высунулась из окна и так же восторженно разглядывает Янишполе.

— Зато туристов почти нет, кроме того автобуса впереди... Кажется, он у гостиницы стоит. Это даже мило. Будет ощущение, что мы спрятались от всего мира.

— Точно, — киваю я. — А мне нравятся деревянные вывески над каждым домом. — Я еду совсем медленно, чтобы прочесть вслух: — «Замок Федьки». «Адмирал». «Под коровьим брюхом» — держу пари, там воняет. — Мы смеёмся, я сворачиваю на брусчатку. — «Рынок „Мельница“». Бензоколонка. «Пекарня Мефодиевых». Кофе... Погоди. Кофе? Это

что... это и есть наша кофейня? — морщусь я, разглядывая бесцветное строение.

Как и всё в деревне, из белой глины. Единственное, что выделяется, — красная дверь и вывеска с надписью «КО-ФЕ». Под двумя окнами в красных рамах стоят два обшарпанных стола для пикника — и на этом весь шарм заканчивается.

Ух ты. Ради этого мы уехали из Москвы?

Дверь выглядит так, будто её снесёт первым же порывом ветра. Где шарм? Где милая вывеска? Где узоры? Должны же они где-то быть. Господи, где узоры?

— Ага, это точно она, — спокойно кивает Ника.

— Ничего себе, они умеют привлекать клиентов, — фыркаю я. — Хотя бы название какое-нибудь интересное есть?

— Они прямолинейные, даже впечатляют. Нина сказала, что парковка за углом. Там же и наш дом.

— Ясно. — Я сворачиваю за угол и еду по узкой гравийной дорожке под сенью деревьев. — Мы правильно? — уточняю я, когда путь сужается.

— Кажется, да. Нина говорила, дом сразу за деревьями.

Мы едем медленно, трясёмся на кочках и останавливаемся у крошечного белого глинобитного домика с соломенной крышей.

— Мы в Диснейленд попали? — спрашиваю я.

— Нет, — Ника качает головой и указывает на колодец рядом. — Здесь нет проточной воды, что ли? Мне ведрами

носить?

— Всё есть, — отвечает она, открывая дверь.

Я хватаю её за руку:

— Водопровод?

— Да, — раздражённо говорит она. — Ты в Средневековье?

— Прости, но колодец странно. Ты видела заправку сзади? Она работает?

— Это бензоколонка, и да. Мы не в городе. Жизнь тут проще. Расслабься.

Она права. Прежде чем судить, нужно понять. Я здесь за новыми впечатлениями. Хочу понять, что ищу в жизни. Предубеждения мне не помогут.

— Ты права, извини, — выдыхаю я. — День был долгим, руки устали от верёвки. Как только поедем, станет легче.

Только мы вышли из машины, как из дома выходит невысокая женщина лет шестидесяти в фартуке. Её тёмные волосы тронуты сединой.

— Ты, наверное, Ника, — тепло улыбается она, подходя ближе.

Ника не солгала: её диалект приятный, я её понимаю.

— Нина, как я рада вас увидеть! — Ника обнимает её и поворачивает ко мне: — Это моя лучшая подруга, Вера.

— Ага, Вера, красивое имя, — с добродушной улыбкой оглядывает меня с головы до ног.

— Спасибо. Мне говорили, что у меня в роду северяне,

— улыбаюсь в ответ.

— Правда? Как замечательно!

Я чувствую гордость. Вот оно, место моих предков.

— Хорошо вернуться туда, где ходили мои предки. Я прямо ощущаю их присутствие, — глядя на Нину, замечаю на её губах лёгкую насмешливую улыбку. Ну да, всего шестнадцатая доля, но это что-то значит. Глубоко вдыхаю. — Рада познакомиться, Нина. Я в восторге от этой зелени. Мы из Москвы, для нас это как глоток свежего воздуха — столько природы вокруг.

— Да, красиво здесь, — соглашается она, упираясь руками в бока. Уголок её рта дёргается в улыбке. — Будем скучать, но наконец-то в отпуск.

Отпуск? Что это за слово?

— Заходите, — говорит она. — Там и поговорим. Вы, наверное, голодные. Я приготовила калитки с муром. — Хватает нас за руки и ведёт в дом.

Внутри я удивляюсь простору. Справа — каменный очаг с чугунной печкой посередине. Два красных дивана стоят напротив друг друга у белых стен, между ними — журнальный столик из тёмного дуба.

Слева — маленькая кухонька с двухконфорочной плитой, крошечным холодильником и раковиной. Шкафов минимум, белая с красной клетчатой занавеска висит под столешницей. Что-то в этом есть очаровательное. Сзади открытая дверь ведёт к узкой лестнице. На стенах нет ни картин, ни

декора. Остальное пространство занимает стол на двоих, почти прогибающийся под мисками с горячим варевом. Уютно.

Во всяком случае, это небо и земля по сравнению с нашей тесной однушкой на окраине Москвы.

— Надеюсь, вам здесь понравится, — гордо выпрямляется Нина.

— Уже обожаю, — искренне говорю я.

— Идеально, — соглашается Ника.

— Спальня находится на первом этаже, а ещё одна — наверху. Ванная за углом. Рядом с унитазом стоит ведро. Если нужно, лейте из него, чтобы смыть.

Я смотрю на Нику — её глаза весело расширены. Сдерживаю смехок, чтобы не показаться невежливой. Ведро для унитаза? Ну конечно. Очаровательно.

— В холодильнике есть продукты, — продолжает Нина. — Не знала, что вы любите, но основное взяла. Рынок «Мельница» через дорогу. Зина знает о вашем приезде. Она покажет всё и закажет, что нужно.

— Зина — хозяйка? — уточняю я.

— Да, — отвечает Нина, усаживая нас за стол и подавая еду. На тарелке — жареные котлетки с непонятной начинкой (вероятно, для калиток) и размятая картошка. — В Янишполе все знают о вашем приезде. Место любит новеньких. Мы со Стасом обещаем присмотреть за вами, пока нас не будет.

— Спасибо, — говорит Ника, берёт вилку и пробует. Я тоже беру вилку и жду её оценки. Если она не морщится,

значит, можно. — Очень вкусно, Нина. Калитки с мускатным орехом — объединение. Интересно, но приятно. Начинка похожа на рассыпчатую колбасу с перцем.

— Думаю, мне тоже понравится, — добавляю я.

— Спасибо. Это старый семейный рецепт. Родион обожает это блюдо. Его редко видишь, — продолжает Нина. Он работает, очень занят.

— Родион — ваш сын? — интересуюсь я.

— Да, он самый. Хороший парень, хотя и хмурый. Любит уединение, но блондинок обожает, особенно красивых, — она подмигивает, и я чувствую, как краснею.

— Слышала? Крепкий, — улыбается Ника.

— Вы при молодых людях? — интересуется Нина.

— Обе свободны, — отвечает Ника.

— Правда? — Она широко улыбается.

— Хотя я пока не готова к новым знакомствам, — быстро добавляет Ника. — Год назад рассталась с парнем, ещё зализываю раны...

— А, надо сердце полечить? Тогда тебе к Савелию из пекарни Мефодиевых. Думаю, он поможет.

Теперь Ника краснеет. Я толкаю её ногой под стол.

— Я не ищу отношений, — отрезает она.

— И я тоже, — вступаюсь я. Кто знает, что за человек Родион — не хочу с ним связываться. Не люблю хмурых.

— А что вас сюда привело? В заявке было про приключения, — Нина разглядывает нас. — Но в ваших глазах тьма

какая-то. Тут что-то большее скрыто.

— Передышка, — признаётся Ника. — Хочу отдохнуть от всего.

Я понимаю, о чём она. Ей нужно забыть воспоминания и перестать бояться встретить бывшего. Очистить голову, как и мне.

— Мне нужно выдохнуть, — говорю я. — Подумать, как жить дальше.

Нина улыбается и хлопает в ладоши:

— Тогда Янишполе — то, что вам нужно.

Гравий хрустит под ногами, когда мы идём за Ниной по аллее, обсаженной деревьями, к кофейне. Начинается мелкий дождик, я натягиваю капюшон толстовки.

— Не бойтесь дождя, девчонки, — говорит Нина. — Он свой. Принимайте его.

Я снимаю капюшон и позволяю каплям стекать по лицу. Если я здесь на полгода, нужно жить, как местные.

— Вот она, — говорит Нина, когда мы подходим к кофейне. — Выглядит не очень, но внутри тепло.

Она открывает дверь, и я замираю: внутри никого, ни посетителей, ни работников. Хуже того, кофейня почти пустая. Два стола с двумя стульями, стулья явно сделаны ребёнком. Стены голые, деревянный пол покрыт пылью и грязью. Слева — пустая витрина для выпечки, за стойкой два больших термopота. Кофемашины нет, стильного меню тоже. Только... кофе.

— Открываемся в десять, закрываемся в четыре, — объясняет Нина.

— В десять? — Я хмурюсь. Как они вообще в десять открываются, если я каждое утро в шесть носила кофе начальникам?

— До этого тут пусто. Большинство магазинов работают с девяти, закрываются не позже шести. Кроме «Замка Феды» — это паб у нас. «Адмирал» — местная столовая, по будням до шести, в выходные до семи. Если захотите поужинать, планируйте заранее. В «Замке» обычная пабная еда, но после закрытия там весело.

— Понятно, спасибо, — киваю я. Живот при упоминании еды громко урчит.

— По воскресеньям всё закрыто, — продолжает Нина. — Почти вся деревня. Автобусы туристов не ходят, мы отдыхаем. Кроме «Замка» — Васька открыт каждый день.

— Туристы сюда на автобусах приезжают? — спрашиваю я.

Ника тем временем бродит по помещению со скрещёнными руками. Тут она точно сможет работать удалённо, а с двумя термопотами у меня тоже будет время.

— Да. Камень деда Семёна посмотреть. Мы гордимся им. Савелий с рынка футболки печатает: «Я поцеловал камень деда Семёна». Умно придумал. Мы со Стасом купили комплект.

— Тоже возьму.

— Обожаю такие футболки про член, — Ника толкает меня локтем.

— Ну а что? Правда, — пожимаю плечами.

— «Железные короны» смотрела? — спрашивает Нина.

Я открываю рот, но внутри всё начинает бурлить. По шее стекает пот. Ой, что-то не так. Совсем не так. Сейчас будет ситуация.

— Смотрела, — отвечает Ника. — Но до камня деда Семёна ещё не дошла. Жду с нетерпением.

— Захватывающе. Там настоящего деда Семёна показывают, без дублёра. Актёр что надо, жалко, что кастрируют его понарошку, — Нина вздыхает и идёт к стойке. — Работа простая. Кофе тёмной обжарки и декофеинизированный. Есть пакетики какао для детей. Выпечки давно нет. Стас раньше сам пёк, но годы берут своё.

Нина замолкает, когда мой живот издаёт громкий рык — в маленькой кофейне он звучит как гром. Ника и Нина поворачиваются ко мне, подняв брови.

— Кажется, что-то не усвоилось, — криво улыбаюсь я.

— Похоже на то, — Нина внимательно осматривает меня.
— У тебя аллергия на баранину?

— Не знаю...

— Сердце, печень, желудок?

— Нет... а что? — спрашиваю я, чувствуя, как паника сжимает горло.

Меня охватывает тошнота, я молюсь, чтобы не стошнило

на грязный пол.

— Бараний желудок? — уточняю я.

— Да, и печень с сердцем тоже, — отвечает она.

О, боже.

С натянутой улыбкой я отступаю:

— Вернусь в дом... Приму душ, смою грязь.

Нина всё понимает:

— Не забудь про воду, — подмигивает она.

— Спрашивай, что внутри, прежде чем есть, — говорю я себе в зеркало.

Здесь, в Карелии, я оставила след.

Уставшая от джетлага, свежая после душа, я расчёсываю волосы, втираю сыворотку. После чистки зубов обматываюсь полотенцем, делаю глубокий вдох.

В этот момент хлопает дверь.

Ника. Держись.

— Господи! — визжу я, плотнее затягивая полотенце. Вижу веник — хватаю и тычу в незваного гостя. — Ни шагу ближе!

Его это не впечатляет.

Он стоит у раковины с калиткой в руке, смотрит на меня.

— Кто ты?

У него роскошный голос: глубокий тембр, мощное «р», мужская хрипотца. Звучит так, будто говорит: «Знаю, как использовать свои руки». Хочется прижаться к его груди и почувствовать вибрацию голоса. Но это усталость.

Вырываюсь из мечтаний, выставляю веник:

— Ты без спроса влез в дом. Ещё три секунды — и зову Нину.

— Зови. Скажи, что начинка суховата, — закидывает остатки калитки в рот, жуёт, без улыбки.

— Невежливо.

— Но правда, — вытирает руки. — Туристка?

— Тебя не касается. Советую уйти, пока я не начала махать веником.

— Похлопаешь своими тощими ручонками? Интересно посмотреть.

Какой наглец.

— Не суди, удар как у боксёра могу. — Задираю кулаки, но они дрожат. Даже если сильная, проигрываю в габаритах.

Он скрестил руки на груди, пристально смотрит. Его взгляд скользит по моему телу, впитывая влагу. Чувствую себя неловко, но не сдаюсь. Пытаюсь ответить тем же, хотя колени дрожат.

На нём тёмные джинсы, коричневые ботинки, футболка не скрывает мускулистое тело. Витиеватая татуировка от запястья под футболкой.

Но это только тело. Лицо — отдельное произведение искусства. Густая щетина на квадратной челюсти, коротко подстриженные волосы по бокам, волнистые сверху. Глубокие глаза цвета мха пронзают меня.

— Насытилась зрелищем? — спрашивает он, отрывая ме-

ня от созерцания.

— Могу спросить то же.

— Такое уже видел, — скучающим тоном, и я обижаюсь.

— Ты невежливый.

— Знаю.

Хоть в чём-то сошлись...

— Было бы вежливо уйти, пока полицию не вызвала.

— А какой у них номер?

В его глазах блеснул огонь, губы остались бесстрастными.

— 112, — отвечаю я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

Никакой подготовки перед приездом — ошиблась.

— Туристы ненормальные, — бормочет он, качая головой. Потом выпрямляется, грудь упирается в веник. — Одевайся и уходи. Нина не хочет, чтобы ты здесь задерживалась.

— Я остаюсь на полгода, — огрызаюсь я.

Его бровь взлетает.

— Что?

— Полгода. Буду жить здесь, если ты сейчас уйдёшь...

— Зачем тебе полгода? — перебивает он раздражённо.

— Почему ты так нервничаешь?

Он ещё сильнее прислоняется к венику. Не сдавайся, Вера.

— Потому что Нина мне как мать, и я хочу знать, что ты делаешь в её доме.

О, боже. Это Родион Соколов? Нина не преувеличила. Он крепкий и напыщенный.

— Ты...

— Вера Степанова, — отвечаю я.

— Вера. Зачем ты здесь на полгода?

— Мы с подругой будем следить за кофейней, пока твои родители в отпуске. Ты вообще общаешься с ними?

Его брови взлетают, опускаются, он отступает от веника, подпирает подбородок рукой.

Погодите... он не знал о поездке родителей? Странно. Разве не сказали бы сыну?

— Объявление не читал?

— Читал, — спокойно отвечает он. Слишком спокойно.

— Просто не знал, что уже нашли кого-то.

— Нашли. Меня и Нику.

— Хм, — его взгляд снова скользит по мне, оценивая, как противника.

У меня есть гордость, но если он щёлкнет пальцами — полотенце будет трепетать сзади, как флаг капитуляции.

— Хватит, — говорю я и тычу его веником.

Он стоит неподвижно, не мигая.

— Что?

— Ты разглядываешь меня.

— Ты бы поняла, если бы я смотрел на тебя, — говорит он резко.

Какой же он невежливый!

— Говорят, северяне радушные люди. Ты исключение.

— Никогда не придерживался правил.

Я раздражённо взмахиваю веником:

— Если тебе нечего сказать, уходи.

Он проводит рукой по подбородку, отходит от меня и уходит. Дверь громко захлопывается. Я опускаю веник и выдыхаю. Через кухонное окно вижу, как его широкая спина исчезает вдали.

Ну и герой, словно из исторического романа! Непобедимый северянин, горячий житель гор и лесов, сердцеед. По словам Нины, к счастью, он редко появляется. Надеюсь, это была единственная встреча за полгода. Трудно будет выдержать его мрачность. От него веяло негативом, по крайней мере, мне так показалось. А я нахожусь на новом этапе, ищу смысл жизни. Северные характеры меня не пугают. Нет, это начало чего-то нового, и Родиону Стильному-Качку здесь не место.

Глава 4

Родион

Когда родители собирались мне сказать, что нашли кого-то в кофейню?

И зачем вообще?

Я провожу рукой по волосам и сворачиваю за угол. На склоне горы виднеется дом родителей. Увидев белоснежное каменное здание, я останавливаю внедорожник.

О чем они думали?

Васька из паба поинтересовался, что я знаю о том объявлении родителей. О том самом, которое разлетелось по всему миру. Я вообще ничего не знал об этом. Уже позор. Но неужели они не смогли найти двух девушек для кофейни? Это уже просто смех!

Пока злость медленно закипает, плечи и шея каменеют. Захожу в их идиллический домик. От звука моих шагов мать и отец, сидящие на чёрном кожаном диване в гостиной, так вздрагивают, что толкаются локтями. Телефон вываливается из рук и шлёпается на пол.

— Господи, Родион, ты нас до смерти напугал, — мать прижимает руку к сердцу, другую кладёт на бедро отца.

Я хлопаю дверь:

— Когда собирались рассказать?

— Что рассказать? — наивно спрашивает мать, но в её

карих глазах, цвета горького шоколада, я замечаю хитрый блеск.

— Про двух москвичек.

— Ага, встретил уже? Красивые девочки, правда? — спрашивает мать.

— Когда собирались сказать? — повторяю я, не обращая внимания на её слова.

Отец надевает очки. Обычно его крепкое тело под клетчатой рубашкой кажется странно ослабленным. Последние месяцы вызывают тревогу. Мышцы исчезли, энергии нет, аппетита тоже. Он почти не ест любимые блюда. Пару недель назад даже отказался от любимого печенья — тогда я осознал, что что-то не так.

Недавно я спросил у матери, всё ли в порядке. Она ответила, что всё нормально, он просто на «здоровом питании» и поэтому похудел. Но это не просто похудение — он выглядит измождённым.

— Завтра перед отъездом, — произнёс отец своим командным голосом.

Я вырос, слушая этот голос. Он сделал меня человеком, которым отец мог гордиться. Сильным, заботливым, гордящимся своими корнями и фамилией Соколовых. Да, я горжусь всем этим, но хочу большего. Мне нужно больше. У меня не было возможности подумать о других вариантах, кроме тех, что запланировал для меня отец.

— Завтра уезжаете? Просто соберёте чемоданы, не попро-

щавшись? — спросил я, глядя на родителей.

— Попрощаемся, — ответила мать, вставая с дивана и подходя ко мне. Её руки осторожно коснулись моей щеки.
— Ты уже ел?

— Мам, зачем вы вообще уезжаете? Ваша загадочность на нервы действует.

— Никакой тайны. Отпуск берём. Больше знать не надо,
— ответила мать.

Я поворачиваюсь к отцу:

— Это твоя идея — всё держать в секрете?

В Янишполе многие знают, что у нас с отцом сложные отношения. Мы по-разному смотрим на жизнь. Я мечтал развивать своё ремесло, покинуть Янишполь и найти свой путь. Отец же не хотел слышать о моём отъезде, утверждая, что я предаю семью и место, где вырос.

Когда я объяснял своё решение, он обрушил на меня поток обвинений. Яд его слов был настолько силён, что в его глазах читалась настоящая боль.

Угадайте, кто одержал верх в борьбе за мою жизнь? Скажу лишь одно: идея остаться в Янишполе и быть мастером на все руки была не моей. Этого хотел отец. И после всего, что произошло... я ему обязан, и на этом всё.

— Не повышай голос, — говорит он, ворочаясь на диване и морщась.

Пару месяцев назад отец закрыл кофейню и передал все

дела маме. Он сказал, что заслужил отдых после тридцати лет работы с местными жителями и туристами. Кофейня стала терять посетителей.

— Я не кричу, — говорю громче. — Просто хочу понять. Ты заболел что-ли?

— Нет, — бурчит он, встаёт и идёт на кухню, где мама суёт ему тарелку. — Просто хотим отдохнуть, и твоё одобрение нам не нужно.

Сдерживая злость, провожу языком по зубам:

— Хорошо. Но важно уважать меня и делиться планами. Я ваш сын.

Напряжение между мной и отцом растёт. Мама подбегает, суёт мне тарелку:

— Садись, поешь, а потом расскажу о поездке.

Я смотрю на отца, беру тарелку и сажусь за кухонный стол.

Его руки дрожат, кожа выглядит нездоровой, а глаза глубоко запали. Что бы они ни говорили, я понимаю: скрывают родители больше, чем раскрывают.

— Ну наконец-то, — говорит Лёха, мой лучший друг, когда я пробираюсь через полупустой паб «Замок Федьки», который назван в честь тех самых руин. — Мы с Мироном уже устали смотреть друг на друга.

— Удивительно, учитывая, что вы оба нарциссы.

Я сажусь к ним за высокий столик.

Лёха и Мирон Мефодиевы — близнецы и владельцы хим-

чистки «Корзина для белья». В последнее время они становятся популярными в интернете благодаря своим видео с воскресными тренировками. В этих роликах братья занимаются спортом на природе: используют брёвна для жима, камни для отжиманий и прыжки через изгороди для кардионагрузки. Всё это, конечно, затем пикселизируют. Необработанные версии я видел — чуть не стошнило. В тот день им показалось забавным выйти на тренировку без нижнего белья.

— Ты сегодня какой-то раздраженный, — замечает Мирон и протягивает мне бокал виски. — Из-за тех двух москвичек, которые здесь объявились?

Я выпиваю виски залпом и молча ставлю стакан на стол.

— Точно, — подтверждает Лёха. — Говорят, красотки там.

«Красотки» — не то слово.

Вера.

Её ледяные голубые глаза гипнотически изучали меня. Платиновые волосы падали на плечи и грудь, едва прикрывшую полотенцем.

Эта встреча с ней, полуголой, с веником в руках — гордой, упрямой, решительной — застала меня врасплох. Я не ожидал, что влечение захватит меня полностью. Что каждый её взгляд будет кружить мне голову.

Но потом она заговорила об отъезде родителей. Это мгновенно отвлекло меня от её красоты и пробудило тревогу. По-

чему она знает больше, чем я?

— Уже познакомился? — спросил Мирон с излишним энтузиазмом.

— С одной, — ответил я, жалея, что виски уже закончился.

— И как?

Я пожал плечами:

— Нормально.

Мирон заливисто рассмеялся, толкнув меня в плечо:

— Не верится.

— Мне тоже, — сказал я, делая вид, что не услышал его слов.

— Знали, что родители уедут на полгода? — поинтересовался я.

— Догадывался, — ответил Лёха. — Я видел объявление. Ты что, не прочитал?

— Видимо, не всё. Они собираются в путешествие по Золотому кольцу, по крайней мере, так сказали.

Я вертел пустой стакан и вспоминал обрывки информации, которую успел узнать. До сих пор слышу тяжёлую тишину за ужином в родительском доме. Звон вилок о тарелки, гнетущее напряжение и невысказанная правда о происходящем в семье. Мы все идем ко дну уже несколько лет, но никто не решается сделать первый шаг к примирению.

После этого отпуска я точно больше не сделаю.

— Злишься, что не взяли? — спросил Лёха.

— Нет, — буркнул я. — Бесит, что сообщили только за вечер до отъезда.

Я огляделся в пабе, убедившись, что никто не слушает, и понизил голос:

— Слышал что-нибудь про отца?

— Нет, — ответил Лёха.

Мирон помрачнел.

— Ты за него переживаешь?

— Он стал совсем другим. Слабый, старческий. Мама утверждает, что это из-за диеты, но я не верю. В Янишполе он почти не появляется. И пусть, лишь бы не разговаривал со мной. Лучше бы он умер с гордо поднятой головой, чем показал слабость.

— Да, заметно, что он похудел, — согласился Лёха. — Думал, это здоровое питание, как твоя мама говорит. Давно его в пабе не видно. И в «Адмирале» тоже.

Ещё один тревожный знак.

Отец Янишполе и его жителей просто обожает. Он расцветает, когда с каждым разговаривает. Я же — полная противоположность.

— Господи, — вздохнул я, когда к столу подошёл Савелий, младший брат Лёхи и Мирона. Сава в Янишполе успевает везде: утром в пекарне, днём на рынке, вечером работает в пабе.

— Привет, Сава, — сказал я.

Он поставил очередную порцию выпивки и сел с нами:

— Сегодня видел твою маму, Родион. Она рассказывала про новеньких красавиц в Янишполе.

Мама у меня — сама прямота, без капли дипломатии. В деревне с таким человеком жить — тот ещё квест.

— Сказала, мне бы с одной из них познакомиться, на свидание позвать, — поделилась я.

— Как неловко это прозвучало, — покачала головой.

— Да ничего, — подмигнул он. — Её зовут Ника.

— А вторую? — с интересом спросил Мирон.

— Вера, — ответила, глядя в стакан. — Вера Степанова.

За столом повисла тишина. Все трое Мефодиевых внимательно смотрели на меня.

— Уже знаком? — уточнил Савелий.

Я поднесла стакан к губам, но лишь слегка коснулась виски:

— В коттедже пересекались.

— И что? — Мирон наклонился вперёд. — Рассказывай.

Сделала ещё глоток:

— Она пыталась меня веником ударить, но едва коснулась. Совсем маленькая.

— По сравнению с тобой все маленькие, — замечает Сава.

— Свидание назначить думаешь? — спрашивает Лёха.

— Нет, — отвечаю уверенно. — Её глаза действительно необычные, и за неприветливым выражением промелькнула мягкая улыбка. Но связываться с москвичкой, да ещё и временной... Это не для меня. Если она откроет кофейню, мы

вряд ли пересечёмся снова.

— Ты что, забыл, где живёшь? — с насмешкой спрашивает Лёха. — Удивлюсь, если увидишь её утром.

— Обещаю, буду держаться подальше, — говорю твёрдо.

— Ага, — усмехается Мирон. — Спорю на сто рублей, что она и станет первым делом завтра.

Глава 5

— Кофе готов! — слышу я голос Ники из своей спальни, больше похожей на мансарду: ни двери, ни нормального потолка. Скаты крыши настолько крутые, что встать в полный рост невозможно.

Перспектива выпить кофе заставляет меня встать с кровати.

Вечером, когда Ника и Нина вернулись из кофейни, я рассказала им о Родионе и его невыносимом поведении.

— Красивый? — спросила Ника. — Мускулистый? — добавила Нина. — Такой крепкий, как ты говорила? — уточнила Ника.

Я фыркнула и ответила, что он даже близко не такой.

Ника сообщила о нашем размещении. Я выбрала комнату наверху, а она — нижнюю. У неё чуть больше пространства: её кровать односпальная, а моя — двуспальная. Глаза красные от усталости. Прошлой ночью плохо спала, хотя легла рано. Ворочалась, пытаюсь устроиться на новой кровати в чужом доме. Наверное, немного тосковала по дому.

Я прикрываю глаза от света и спускаюсь по лестнице к кофеварке.

— Почему тут так ярко... — начинаю я, но обрываю фразу, увидев часы. — Что за... Четверть пятого утра!

— Ага, — тихо говорит Ника с дивана.

— Что за солнце? — Я наливаю кофе и добавляю сахар.

— Карельское лето, дни длинные. Не заметила, что вчера мы легли, а на улице всё ещё светло?

— Я думала, мы рано легли, — отвечаю я.

— Уже после десяти, — Ника смотрит в окно.

— Что?! Куда ты меня притащила? Здесь же только говор, бараньи потроха, ведра для унитаза и бесконечное солнце. Моё тело не готово.

— Приживёмся — будет легче. Просто культурный шок.

— Небольшой? — сажусь напротив на диван. — Вчера северянин видел меня в одном полотенце и даже глазом не моргнул, когда я веником угрожала. Тут с людьми что-то не так.

— Он про москвичек так же думает. Ты же веником оборонялась.

— Это не странно, а изобретательно, — отпиваю кофе. — Что нам делать шесть часов до открытия кофейни?

— Осмотреть окрестности? Купить продукты?

— Э-э-э, Ника, тут до девяти ничего не работает.

— Точно, забыла, — чешет затылок. — Можно к камню деда Семёна сходить.

— Верно, устроить утреннее приключение ради камня.

— Еда у нас есть. В шкафу видела кексы. Возьмём и пойдём к озеру. Устроим пикник на завтрак.

Интернет тут слабый, телевизора нет. Развлечений почти никаких, кроме полки любовных романов, которые я соби-

раюсь прочитать. Но пока глаза не готовы к чтению. Пикник у озера звучит как отличная идея.

— Ладно, одеваюсь, — говорю я.

— Серьёзно? — удивляется Ника.

— Серьёзно, — отвечаю я, допивая кофе.

Поднимаюсь наверх и роюсь в чемодане. Нахожу лосины и толстовку с начёсом, быстро надеваю. Волосы собираю в небрежный пучок. Натягиваю кроссовки и спускаюсь вниз. Ника уже готовит термосы с кофе.

— Маффины взяла? — спрашиваю я.

— Нет ещё. Они вон там, в шкафу. В холодильнике, кажется, есть яблоки.

— Идеально, — отвечаю я.

Ника приносит походный рюкзак. Мы складываем вещи и выходим на свежий утренний воздух. Тишина. Нет ветра, но утренняя прохлада бодрит. Птицы поют. Лёгкий туман стелется по земле. Капли росы блестят на траве. Всё тихо и спокойно. Именно так, как мы хотели.

— Красиво, — шепчу я, чувствуя, что говорить громче нельзя: разбудим весь Янишполе, хотя мы на своей маленькой полянке среди деревьев.

— Такого я никогда не видела, — отвечает Ника, беря меня за руку. — Спасибо, что поехала со мной, Вера.

Я оборачиваюсь, улыбаюсь и обнимаю её.

— Спасибо, что напилась и отправила резюме сюда, — шепчу в ответ.

Она тихо смеётся, отстраняется и спрашивает:

— Как в кофейне?

Ника качает головой.

— Нина всё объяснила. Потом покажу. Сегодня уезжают?

— Ага, — отвечает она.

Мы подходим к Лесной улице, обходим взглядом окрестности. Дома погружены в сон, дороги пусты. Деревня кажется призрачной, словно вымерла. Это так контрастирует с Москвой, где время летит с бешеной скоростью. Перед нами расстилается озеро Онега. Солнечные лучи играют на лёгких волнах, вдалеке виднеются зелёные вершины Карелии, поросшие соснами. Идеальное утро.

— К берегу пойдём? — предлагает Ника, указывая на место. — На камни сядем, чтобы не промочить ноги.

— Отличная идея, — соглашаюсь я. — Удивительно, какая тут сырость. Совсем не как в Москве. Запомню, когда буду гулять по окрестностям.

Мы находим два плоских камня у воды и садимся. Ника достаёт маффины, и мы завтракаем, наслаждаясь плеском волн у ног.

Какое-то время молчим, но мысли уносят нас в прошлое.

Я никогда не была отличницей не из-за лени, а потому что мне многое было непонятно. Ни один предмет не давался легко: в школе я получала тройки, а в университете такой подход не прокатывал. Университеты не любят середнячков. Они ищут тех, кто выделяется, как Ника: она всегда получа-

ла идеальные оценки, была президентом художественного и шахматного клубов — настоящий гений. Уже тогда, в школе, я слушала онлайн-лекции университета и быстро поняла, что это бесполезно.

В итоге я нашла себя в SMM. Моя работа хорошо оплачивается, заказы поступают регулярно, у меня отличное портфолио, и я продолжаю расти.

Я всегда хотела поступить в университет. Родители ничего не знали о моих планах. Хотела доказать им, что я могу учиться на бюджете, несмотря на все упрёки за мои оценки. Мне нужно было уйти из дома, подальше от их разочарованных взглядов. Но я снова подвела их.

Москва обещала многое, но я так и осталась на среднем уровне, нигде не выделилась.

— Не думала, что всё так сложится, — тихо говорю я.

— Неожиданно в Карелию уедем? — уточняет Ника.

Я смеюсь, качаю головой.

— Это тоже важно. Но перелёт в глушь для меня — единственный шанс встать на ноги. Мне двадцать четыре, а я ничего не достигла. Думала, что знаю, чего хочу. Ехать в Москву, найти связи, стать организатором мероприятий. Смешно. Я трижды была личным ассистентом, но единственное, что умею, — это знать все кофейни Москвы наизусть. Как жаль. У тебя хотя бы есть дело, в котором ты хороша, и ты можешь работать откуда угодно. А я даже не понимаю, кто я.

Слёзы наворачиваются на глаза, горло сжимается. Бесна-

дѣжность накрывает тѣмным облаком.

— Работа не должна быть единственной целью в жизни, Вера.

— Но она даёт мне смысл. А его давно нет. Не было... Кажется, никогда не было. Никогда не чувствовала себя нужной. Даже Игорю. Знаю, что он не был мне нужен, но расставание сильно подорвало самооценку. Теперь думаю — может, я действительно... недостаточно важна.

— Прекрати, — Ника берёт меня за руку. — Ты важна для меня. С тех пор, как помогла тем стервам на волейболе. Я серьёзно, Вера. Ты очень важна. Я нуждаюсь в тебе. Не знаю, как бы пережила разрыв с Ильёй без тебя. Ты моя вторая половина. Мы дополняем друг друга. И тебе может казаться, что ты не важна, но для меня — очень.

Слёзы текут по щекам, я начинаю рыдать. Ника обнимает меня.

— Знаешь, как много ты для меня значишь? — говорит она, пока я пытаюсь успокоиться. — Я бы не справилась без тебя. Ты моя опора, мой смех. Я ведь не просто так выбрала тебя лучшей подружкой. Ты всегда рядом, на тебя полагаюсь.

Слёзы снова подступают.

— Ника...

— Ты знаешь, как ценю нашу дружбу? — я вытираю щёки.

— Да.

— Она помогала мне в трудные времена. Горжусь, что все взлёты и падения мы прошли вместе.

— Но...? — Ника тихо смеётся.

— Кажется, этого мало. И это не в обиду...

— Понимаю. Дружба важна, но нужен и личный смысл.

Чувство, что что-то достигнуто.

— Точно. А я не знаю, что это. Думала, Москва и работа с VIP-персонами зажгут искру, но теперь понимаю: за все годы ничего не зацепило. Ни волнения, ни радости. Ассистские работы — интересные моменты, но к цели не вели.

— Вечеринки делать? — спрашивает Ника.

Я киваю.

— А правда, хочу ли я планировать вечеринки? Или это просто школа научила?

— Ты была душой любой компании, — усмехается она.

— И вот куда это меня привело, — подтягиваю колени и обхватываю их руками. — В моём возрасте люди хотя бы знают, куда идти. А я потеряна.

— Неправда. У них может быть работа и титул, но многие занимаются не тем, чего хотят. Работают ради денег. У тебя есть уникальный шанс — подумать, чего ты действительно хочешь.

— Не знаю, с чего начать, — признаюсь. — Самооценка на нуле. Раньше я отшучивалась, чтобы заглушить тревогу. Но с каждым днём становилось ясно: московская суэта лишь отвлекает. Здесь, в тишине и красоте, все страхи выходят наружу. А что, если я ничего не добыю? Если никогда не реализую свой потенциал?

Ника чуть поворачивается на камне и смахивает нитку со штанов. Она никогда не торопится с ответом. Говорит взвешенно и по делу, всегда честна и искренна. В нашей дружбе нет места поверхностности — только любовь и откровенность.

— Что для тебя успех? Работа действительно так важна? Думаешь, в ней найдёшь смысл?

— Работа дала бы мне цель и вызов.

Она медленно кивает.

— Иногда кажется, что работа формирует нас. Но это не так. Работа — это способ зарабатывать деньги. Мы же — это наши отношения и энергия, которую мы вкладываем в мир. Можно быть богатой, но без настоящей жизни. Нам обем повезло: у нас есть друг друга. Настоящая дружба, прошедшая через все испытания, особенно в подростковом возрасте. Мы смеёмся. Мы пример того, как женщины поддерживают друг друга. Это сила.

— Да, — мне становится легче. — Но почему всё равно кажется, что чего-то не хватает?

— Потому что чего-то действительно не хватает. Нужно время, чтобы понять, чего именно. И пока ты здесь, среди всей этой красоты, ищи это недостающее.

— Верно, — вздыхаю, откидываюсь на руки, вытягиваю ноги. — Думаешь, это путешествие изменит нас?

— Нашу дружбу? Никогда. Но как людей? Я хочу верить. Она прислоняется головой к моему плечу, я — к её. Пти-

цы заполняют утреннюю тишину своим мелодичным пением.

Надеюсь, Ника права.

— Ага, они умерли, — звучит голос, и что-то твёрдое упирается мне в плечо.

Я вздрагиваю и резко оборачиваюсь. Передо мной стоит Родион, держа в руке ветку, которой он меня толкнул. Его лицо серьёзно, но в глазах мелькает лёгкая усмешка.

— Полицию звать? Скорую? — повторяет он.

Тык. Тык. Тык.

— Что делаешь? — бормочу я, чуть поворачиваюсь — и спину пронзает миллион иголок. Господи, попа онемела.

— О, живая! — кричит кто-то. — А вторая как?

Солнце палит над головой. Прикрываю глаза рукой, моргаю. Ника лежит рядом, положив голову мне на колени.

— Ника, — наклоняюсь, осторожно трясую её.

— М-м-м...

— Просыпайся. Мы заснули на камнях.

— Чего? — Она тоже пытается открыть глаза, но тут же осознаёт: Карелия будто на солнце стоит. — Боже, как светло? — оглядывается, быстро моргая.

Я тоже осматриваюсь: вещи из рюкзака разбросаны вокруг. Термосы с кофе лежат рядом, ноги свисают над водой, волны манят.

— Который час?

— Без четверти одиннадцать, — доносится голос сверху.

— Без четверти одиннадцать? — переспрашиваю я растерянно. — То есть... десять сорок пять? Почему так светло в десять утра?

— Без четверти одиннадцать, — повторяет голос терпеливо.

Поворачиваюсь и вижу двух старушек с рыжими волосами и одинаково встревоженными лицами.

— Москвички, — фыркает одна из них.

— Ага, хороши собой, правда?

— А вы кто? — спрашиваю я немного резко.

— Наглые ещё, — смеются они, протягивают руки и помогают подняться. — Я Инна, держу гостиницу в Янишполе. Это Зина, у неё рынок «Мельница».

— Приятно познакомиться, — говорю я, хотя полтела онемело. — Это Ника, я — Вера.

— Ну-ну... Кофейня теперь в надёжных руках, хотя и открылась не вовремя.

— Что? — одновременно спрашиваем мы с Никой.

— Без четверти одиннадцать, — повторяет Зина. — Пришли выпить кофе, а закрыто. Увидели у воды двух мертвецов — решили проверить. Думали, они мертвы.

— Господи! — восклицаем мы с Никой хором.

Быстро собираем вещи, благодарим тёток и бежим. Они ржут нам вслед, пока мы по серому брусчатому тротуару несемся к кофейне, где...

Вот блин.

Родион стоит в красно-чёрной клетчатой рубашке, скрестив руки на груди. Его глаза сужаются, когда он нас замечает. Я понимаю: сейчас начнётся.

— С работой справились? — спрашивает Родион, хмуро глядя на нас.

Я выравниваю дыхание, массируя ноющую спину.

— Завтракали у озера, потом уснули, — отвечаю я. — Не нарочно.

— Родители доверили вам кофейню, а вы уже в первый день... — Родион качает головой.

— Простите, — говорит Ника. — Не хотели. Мы просто устали, птицы пели, волны шумели — убаюкало.

Она тараторит, как всегда. Родион оглядывает её, но без той пристальности, с которой вчера смотрел на меня, когда я махала веником.

— А ты кто? — неожиданно спрашивает он Ники.

— Ника, — отвечает она, протягивая руку. Он не отвечает на рукопожатие. Какой невежа. — Ты, значит, Родион.

— Ага, — кивает он. — А ты ответственная.

— Это ещё что значит? — я упираю руки в бока. — Я тоже ответственная.

Он бросает на меня тяжёлый взгляд, потом снова переключается на Нику.

— Мать с отцом просили заглянуть и проверить, всё ли у вас в порядке, а вас нет.

— Не специально. Мы бы не подвели твоих родителей, —

отвечаю я.

Он продолжает смотреть на Нику.

— Я не нянька, — говорит он. — Сказал им, что не буду за вами следить, но, похоже, придётся. День уже так не задался.

— Не надо, — Ника говорит с маминым тоном. — Честно, это была случайность. Обещаем, исправимся.

— Ему мы ничего доказывать не обязаны, — скрещиваю руки на груди.

— Вера, — одёргивает меня Ника.

Родион кривится и смотрит на меня с вызовом.

— Он невежа. Произошла ошибка, но не стоит реагировать так остро. Я вижу, он пытается нас запугать. Родион, я тебя насквозь вижу, — показываю на нас обоих пальцами. Он не моргает. — Мы не позволим запугать себя. Нет, гражданин, — прохожу мимо, задевая его каменный бицепс плечом, и иду дальше. — Извините, нам пора готовить кофе. Пошли, Ника.

За спиной слышу голос Ники:

— Простите. Это больше не повторится.

Через окно наблюдаю, как Родион в гневе уходит.

— Не стоит унижаться перед ним, — говорю я, когда Ника возвращается и закрывает за собой дверь.

— Он сын Стаса и Нины. Нам лучше найти с ним общий язык.

— Какой смысл? Он сам не хочет с нами общаться.

— А если понадобится помощь? Родион — мастер на все

руки.

— Разберёмся как-нибудь. Что тут сложного?

Ника подходит к стойке и наполняет кофеварку.

— Здесь всё старше ста лет, — говорит она. — Многие вещи могут сломаться, особенно после твоих слов. Ты, похоже, беду накликаешь.

— Да ладно тебе, — отмахиваюсь я. — Удача ведь с нами, забыла? Справимся.

— Если повторишь, я с тобой не заговорю, — предупреждает Ника и стучит себя по лбу. Стоим и смотрим на кран на кухне. Он открыт, но вода не идёт.

— Думаешь, я его заколдовала? — спрашиваю я, надеясь, что нет.

— Не знаю. Но ты разозлила мастера, а потом мы вернулись — и вот, воды нет. Вчера утром всё было в порядке.

Резко оборачиваюсь и замираю.

— Ты считаешь, это саботаж? — начинаю ходить по домику, принюхиваюсь, провожу пальцами по поверхностям. — Я чувствую его присутствие. Он был здесь.

— Да ты что, учуять его не можешь, — сомневается Ника.

— Могу, — настаиваю я.

— И как он пахнет?

— Как стильный качок, — выпаливаю без раздумий.

— Ты никогда не нюхала стильного качка, — усмехается Ника.

— Неправда, — возражаю я. — Осенью в «Зара Хоум»

была свеча «Стильный качок». Он пахнет точно так же, как Родион.

— Ты с ума сошла?

— Серьёзно? — удивляюсь я. — Или я разгадала его намерения?

Ника вздыхает, берёт телефон и просматривает контакты.

— Звонить твоему отцу сейчас не лучшая идея. Вряд ли он разбирается в карельских водопроводных трубах.

— Я не папе собираюсь звонить, — Ника подносит телефон к уху. — Родиону.

— Откуда у тебя его номер?

— Нина дала. На всякий случай, вдруг что потребуется.

— Понятно.

Погодите... Она действительно ему звонит?

— Нет, не звони! Это именно то, чего он хочет. Мы справимся сами.

Мчусь в ванную, хватаю вёдра и бегу к колодцу перед домом. Никогда его раньше не видела вживую, но в фильмах часто показывают. Эти героини всегда знали, как достать воду.

У низкой стенки колодца приседаю и заглядываю в отверстие под коньком крыши. Тёмная бездна.

— Эй! — кричу, проверяя, нет ли там троллей или леших.

— Есть кто дома? — добавляю с усмешкой.

Тишина. Пора действовать.

— Видишь, без ведра справимся, — бормочу. — Сами

достанем воду.

Не идеально, и я обещала себе, что без нормальной сантехники не выживу. Но сегодня я слилась с Карелией. Такое случается, если уснёшь на камне у озера Онега.

Беру верёвку от ворота и крепко привязываю её к ручке ведра. Проверяю несколько раз — всё надёжно. Нельзя рисковать.

Подставляю ведро над жерлом и начинаю крутить ворот. Оно медленно опускается.

— Ага! — кричу, оборачиваясь на избу. Ника стоит у окна с телефоном у уха. — Смотри, Ника! Я воду достаю. Сфоткай меня.

Кручу ведро, и оно опускается плавно, как по льду. Кажется, я рождена для этого.

— Сейчас наберём ванну с пеной! — кричу Нике, хотя от одной мысли о том, чтобы мыться в этой воде, меня мутит.

Брр, вспомнить, как раньше семьи мылись по очереди в одной лохани. Не хочу думать о всей коже, которая там плавала. Мы с Никой близки, но не настолько.

— Я только что с... Вера, что ты делаешь? — слышу голос Ники за спиной.

Замираю и оборачиваюсь с ухмылкой.

— Не слышала? Воду достаю. Нам не нужен Родион, он не поможет. Мы справимся сами.

— Твоя суперспособность — это доставка еды на дом, — замечает Ника.

— Умная женщина знает, где найти самую горячую и недорогую еду, — отвечаю я, постукивая себя по виску. — Можешь ему позвонить и сказать, что мы решили проблему.

— Не стану я ему звонить, — отвечаю я, опуская ведро. — Ты даже в трениках его не видела. Неизвестно, носит ли он их.

— Ладно, не заводись, — отвечаю я, морщась от того, что верёвка дёрнулась. — Он как стильный качок, такой хмурый... Не знаю, «качок» звучит мило. Родион — стильный... хм...

Вдруг раздаётся дикий визг. Не успеваю понять, что произошло, как из колодца вылетает чёрная туча и летит прямо на меня.

Падаю на землю, и сотни летучих мышей налетают на нас с неба, как цунами.

Звук, вырывающийся из меня, когда их крылья касаются лба, можно описать как боевой рёв тётки, у которой из-под носа украли миску с калитками. Он дикий, жуткий и не похож ни на один из моих прежних криков.

— Аааа... хрю-хрю... ааа, ба-ба-ба, аааа, хрю.

Хрюк.

(Нет, это неправда, но такое хрюканье меня бы сейчас не удивило.)

— Они меня сожрут живьём! — кричу Нике, которую даже не вижу. — Им нужен мой мозг, они пускают слюни! — Машу руками, пытаюсь ползти, но тактика проваливается:

летучие мыши пикируют с неба. — Я просто хотела воды! Не убивайте за то, что я люблю пить! А-а-а-а!

Всё ещё визжа, закрываю лицо руками и думаю о неизбежном. Вдруг огромная летучая мышь хватается меня за пояс и поднимает в воздух. Я в ужасе.

— Только не в свою пещеру! Пожалуйста, я не готова к встрече с Дракулой. У меня кровь с чесноком — отравлю тебя. Оставь в живых!

— Заткнись, — огрызается Родион.

Убираю ладони от лица и вижу, как он несёт меня к коттеджу. Закидывает за дверь, сам заходит и закрывает её. Резко вскакиваю. Волосы растрепаны, лезут в лицо. Выпрямляюсь, задираю подбородок.

— Я всё держала под контролем.

Ника стоит в стороне, зажимает рот рукой и смеётся, её плечи трясутся. Влетит ей за это позже. Сейчас нужно разобратся с карелом.

— Контроля не было, — отрезает он. — Ты орала, как лошадь с отрубленной ногой.

Хм... Ещё один способ описать мои вопли.

— Извини, но я не могла молчать, когда тысячи мышей лезли мне в волосы и тащили к хозяину. В следующий раз постараюсь быть спокойнее.

— Не помешало бы, — бросает он, и хочется пнуть его по голени.

— Почему ты такой угрюмый? Твои треники в заднице

застряли?

Он смотрит на свои джинсы, затем на меня.

— Треники не ношу.

— Метафорически, — уточняю я.

— Твои метафорические шпильки в голову не попадают?

— Не все москвички ходят на шпильках.

— В том и соль, — бормочет Ника уголком рта.

Злюсь, глядя на неё. Ей слишком весело от наших перепалок.

— Дело не в этом, — говорю я, поправляя рубашку. — Я справлюсь сама. Воду из колодца натаскаем. Иди...

— Колодец пересох лет десять назад.

Фыркаю и указываю на колодец.

— Зачем он тогда здесь? Мышей разводить или для туристов?

— Это декор, — отвечает он. — Нина говорит, для вас это добавляет шарма.

Нина права, к этому старому домику это подходит. Но для уюта — точно нет.

— В гостевой книге всё написано, если читала, — он кивает на папку на столе.

— Утром уснула на острых камнях, — упираюсь рукой в бедро. — Думаешь, у меня остались силы на инструкции?

— Логично, но ты же нелогичная, верно?

Поворачиваюсь к Нике и тычу пальцем в Родиона:

— Я же говорила, невежа. Он хмурый, злой и... пахнет,

как стильный качок. Серьёзно. Понюхай его.

Он стоит, скрестив руки на широкой груди:

— Как стильный качок пахнет?

— Как свеча из «Зара Хоум». Кто вы такие? — плюхаюсь на диван и взмахиваю руками.

— Она устала, ей нужно в ванну, — говорит Ника. — Посмотри, есть ли горячая вода.

— Ладно, — с неохотой соглашается он.

Чувствую на себе его взгляд, но не обращаю внимания. Нет, милый, любуйся сколько хочешь.

Смотрю на чёрный комок шерсти на своих штанах, беру его и верчу в пальцах. Комки твёрдые.

Между Карелией и Москвой много различий. Так и пройдут эти полгода: буду открывать для себя их особенности.

— Ты сейчас мнёшь мышинный помёт, — говорит Родион, направляясь к двери.

— Что?! — вскрикиваю и отбрасываю комок.

— Да, на одежде их полно. На твоём месте я бы переоделась, — отвечает он, выходя из комнаты.

— О боже! — кричу я и бегу вверх в свою комнату.

Глава 6

Родион

Одна упрямая туристка была спасена от летучих мышей. Вера, отбивающаяся на земле, выглядела комично.

— Чего ты еще тут? — спросила она, выходя из ванной с полотенцем на голове.

За все годы я не видел ничего смешнее, чем Вера под атакой мышей. Когда Ника позвонила, я услышал писк за деревьями и понял, что там что-то происходит.

Вера каталась по земле и кричала:

— Не пейте мою кровь, она туристическая — для вас кислая!

С усмешкой я схватил ее за пояс и затащил в избу. Легкая Вере казалось, что я мышшь-монстр. Эх, эта женищина.

— Труба забита, — сказала Ника с дивана. — Родион Стильный Качок сказал, что дом пару месяцев пустовал, и трубам нужно время, чтобы привыкнуть к использованию.

Родион Стильный Качок?

— Ника! — прошипела Вера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.